

БИБЛИОТЕКА Л.С. Ч.9

Эзбийская поляна

Издание Типографии Лемко-Союза
в Соед. Шт. и Канаде.
1935

БИБЛИОТЕКА ЛЕМКО-СОЮЗА, Ч. 9

РОДНЫЙ ЛЕМКО

ЗБИЙСКА ПОЛЯНКА

Из истории лемковского народа.

ТИПОГРАФИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА

2490 Professor St.

Cleveland, O., U S. A.

1934

О Т А В Т О Р А

Лем тата єдна причина, што я роділся і вирося на нашої Лемковині, где яко член селянської родини мал возможность вслухатися в нашы народны передання и оповіданки, дала мі днеська возможность собрати в одну форму повіданку о "Збийской Полянкі" и збуях, котры на той полянкі колиси жыли, где мали печери, в которых, по своих нападах и грабежах панских дворов, хоронилися.

Страшна то тата повідка, але радо слухана, так старшыма людми як и молодыма. Она тым больше интересна и пригадує правду, же всі оповіданя привязаны до єдной полянки в лісі, которую народ в доокрестности назвал "Збийска Полянка".

И помимо того, што оповіданя тоты дотычаться збуев, яко нарушителей державного порядка и людского спокою, каждый чогоси любит тых страшных, немилоседных збуев. Чом?

Видно, же у них, кромі ціли грабежы, была якаси высша ціль и взнесла думка. Є!. В той оповіданкі рокзазуєся, же они были приятелями селян и селяне их. В оповіданкі они представлены, яко оборонці бідного народа и мстителі за чынены йому кривды обшарниками. Они нападали лем на богатых и грабили их награблене добро з бідных. В оповіданкі они помогали селянам, ци грошами, ци свойом роботом.

Мы, діти, без глубокой мысли, без ширших знаний не могли поняти того, што представляют сама собом тата повіданка, мы не знали ёй ціны в научном и практичном світлі, бо не знали змея, як цінят и што значат такы переданя у других народов.

Коли таку повіданку олущиши из додатковов фантазии, котры додали способны до оповіданя люде, коли поправити гдекотры буквы в назвах, котры про отдаленя часу трятят свои правильны звуки, то повіданка переходит в историю.

В той книжечкі, в короткости, очеркнене найперше теперішне положыня и стан, в яком находится "Збийска Полянка," и камень, котрый мал служыти за покрыву на певниці, котра тепер завалена, а мають ся в ней находити гроши закляты, и зато трудно достати.

В другой части передане оповіданя, яке днес єст на языку народа в доокресности. Хоц місцями немного отмінно оповідають, но в одном и том самом смыслі.

В третьом отділі представленый историчный момент, котрый як раз в тоты часы существовал в Карпатах. Он ясно потверджат догадки и оповіданя фактами нашої истории и запевнят нас в правді.

Остатный отділ подчеркує значыня и формы таких оповіданок в других народов; обяснены подробиці в таких оповіданках и загально значыня той оповіданки для наших народных масс, и в який способ народны оповідателі вложили туту повіданку в сердця народа и сохранили перед забытьем.

Слідує замітити, што таке оповіданя крыє в собі часть истории, но зато, же она существовала лем в устах народа и передавалася с покоління на покоління, прибрала кус фантазии и иной формы. Тота повіданка вытворилася из народного жыття, но замотана и обвита в прикрасы и геройскы силы.

Важне, же тата повіданка появляется первый раз в печати, хоц кромі ней на Лемковині, по наших селах, єст масса,

здаєся на перший погляд невартных оповіданок, єднак они мають ціну нашої історії. Прото, же им штука попасти в печать, то они остаються в забутю, а с часом счезают из пам'яті и языка народа. Забываются.

Быти може, что послі напечатаня историйки "Збийска Полянка," появится в нашей печати больше интересных заміток и набросков из народного передания. Таки повіданки характеризуют життя наших предков, их взляды, терпнія и кривды, які оны переносили, и борбу, яку выдвигали, як ратувалися в тих часах.

Книжечка "Збийска Полянка" поможе многим из нас познати в який способ треба открыти правду историчну в на око фантастичної повіданкі, и як єй мож освітити правдом, лем треба застановитися и подумати.

Автор.

Збийска Полянка

ДНЕШНИЙ ВИД И СТАН “ЗБИЙСКОЇ ПОЛЯНКИ”

Місцевость и Положыня.

I

ВПОЛУДНЕВО-всходной части села Устья Русского, в горлицком повіті Лемковины, всинатся к небу гора, звана Поляном. Высота Поляны понад річне корыто сягат около 200 метров, а около 400 метров понад морску высоту.

Гора Поляна почынатся з одной стороны дуже прикро; тот выскодерт полный завалин и непроходимых гущавин, называют Дебрьом. От той Дебри, Поляна своим хребтом тягнется к восходному-полудню, где лучытся с перегыбом, за которым вспинатся ищи выща гора Перегыба, в Ганчовском хотари. Верх, хребет Поляны, на километр долгий.

Полудневу сторону Поляны в давных часах орали аж по самый верх, где сіяли овес, который в новой землі выпаленої родился; но с часом люде запозналися з землями по пісках и по надрічных ровнинах, на которых кромі овса, удавалися и други зерна, як ярец и жыто; товды верхи гор показалися непоплатны для управы, бо выпосніли и газдове их опустили, так што зачали заростати на ново лісами. Особливо по світовой войні, коли газды почали приміняті лекший и взоровий способ господарки, залишили цілковито ораня выскодертов. В тых новых зарослях днеска можеме видіти борозды, межы и купы каминя.

Інша судьба попалася полночной стороні Поляны, бо тоту сторону николи никто не орал, кромі самого подножа. Но зато тоту сторону косят; росне на ней лем сама гладка,

остра трава, звана "кустрицом," котру ужывают для корму худобы; тата сторона не приступна для воза. Зато, коли косят тоту кустрицу, складают коны на смыки, зроблены из чатини, и собом стігают аж к вивозу, где перекладают на драбняки и привозят до стодол.

Стан "Збийской Полянки"

Самый верх Поляны покрытый старым мішаным лісом, в котром лысіють меншы и большы прогалины, званы полянками. Єдна из таких полянок, найдальше высунена от села, бо лем около парунадцет кроков от погранича трьох сел: Устя, Ганчовы и Квятоні, названа **"Збийском Полянком,"** и той то полянкі жытелі дооколичных сел приписуют исторично-таємничу силу.

Окружена тата полянка старымъ высокыми деревами. Сама полянка покрыта зимом глубокими снігами, а літом глубокими травами, буряками и крячом. При єдном бережку хвієся и скрипит стара суха сосна, недалеко ней звозвітится з бережка великий, округлий, формы хліба камень.

На том камени можна видіти вырыты долотами всяки надписи, буквы, числа роков и фигурки. Всі тоты знаки трудно уж днес распознати изза старости, бо природа з рока на рок раскладат и затерат сліди людских рук; найліпше познати вырыту форму чаши. Из всіх боков камень обитый и окрасаный. Воколо стары дерева, на которых тоже заросли кором и лубом всяки числа разных часов, но всі с перед 1848 року.

Ничого больше ніт такого замічательного, чтобы давало нам сліди жытя людей, кромі того, же хребетом, самым верхом, камені так укладены форемно в виді тротуара, что припоминают діло людских рук.

Так приближено выглядат в днешних часах тата полянка, котрой дооколичны жытелі приписуют чаруючу, нелюдску силу. Ту тот камень, под которым мают находитися велики гроши в заклятю.

Хотіли Достати Гроши

Не чудо, же тоты оповіданя гнали кожного зацекавленого звидіти тоту полянку, прировнати к правді. Ци могло того быти або ніт?

Зато каждый, кто лем мал способность даяку, из околиці пришол нераз посмогріти на тоту полянку и обмацати камень. Приходили там всяки студенты и люде подбиты науком, але они лем в чисто науковой ціли хотіли видіти. Но они свои спостереженя не выявляли, здаєся лем из-за тых причин, чтобы не взбудити в народі тоту идею, яка кръєся в истории той полянки, бо идея тых збуєв здавалася им деморализуюча народ, взглядом существующої системы.

Уколысаный повідками о той полянкі, єден редактор укр. газеты в Америці тоже посітил полянку и зобрал пару фотографий, но в печати тоже, здаєся, не появилось из тогонич. Хоц хотіл бы составити даяку вартость украинской, давной культуры, то все такой при том мусіл бы вспомнити місцевость, котра носит русску назву, а тото попсуло бы цілу вартость и в значыню украинской старины не представляло бы собом належытой ціни.

Но то все было лем з научной точки. Але выплеканы діти и пастушки том повіданком зацекавилися іншым. Про них найбóльше заинтересованя збудили --гроши--. Тоты гроши, котры так нераз здали бы ся бідним пастушкам, бо им о цента найтруднійше; при коровах, на полі, они нераз поважно розберали справу, а потом рушили разом з мотыками, джаганами, перликами, рішыли откопати закляту пивницю и выдостати хоц кус гроши, о которых мечтали и снили; тых скарбов там никто не боронит, лем треба откопати або отгварити заклятя; але же заклятя не знали, а копати знали, то зговорилися откопати.

Но не дуже они змогли откопати, хоц кажда окрушина от каменя одорвана радовала их; откопували и одгребали, але все мало было и помученным пастушкам привиджалося, же

пивниця завалюєся губще в землю. Тото будило в них нове таємниче подозріння до каменя. Стіни пивниці оказалися им направду складаны людском руком. Чым бльше застановлялися и взерали в тото каминя, тым бльший страх мали пред том тайном пещером, и бльше додавали до повіданок.

Конец той "поважной науковой єкспедиции" был такий, же даякий недобросовістный газда ужyl даякого способу настрашити их и діти забыли о своєм начыні, лашенятах, худобі и з вреском утікали в село, где кромі того з особна кождый "експедитор" достал "нагороду." А газда забрал ліпше начыні до себе и не признался никому.

По войні, коли то пастухи познакомилися зо стрыльным порохом, пробували подложыти под камень, но и тото не много им помогло, бо камень лем триснул, не розлетілся, лем в середину завалился. Из того пастухи вынесли нове переконання, же камень раз заклятый, и нияка сила без отклятяго не рушыт; и успокоилися, а камень остаєся на дальше над том тайном минувшости.

Ци ест под каменьом пивница ци ніт? Тото до днес загадка для дооколичных сел.

Для людей, котры ограничиваются мыслями лем до свого личного жытia, "Збийска Полянка" уж им не интересна. Но люде, котры ставлят перед себе вопрос, як бы здобыти легкым способом гроши, думают о Полянкі, яко о гроших; она має для них таємничу вартость и тому часто ей вспоминают.

В третьей части сей книжечки стане и для нас ясно, як мы должны розуміти "Збийску Полянку" на основі Правды.

Мы виділи, як вызерат полянка, и кто ей бадал, а тепер посмотриме, як о ней бесідуют нашы народны повіданки.

II

УСТНЕ ПЕРЕДАНЯ НАРОДА О "ЗБИЙСКОЙ ПОЛЯНКІ."

Збуи и их занятия.

Ищи товды, коли в наших горах Карпатах было пустійше, рідше народа, а ліси широки и глубоки; товды, коли ищи вся земля и добро на землі належало панам, што жили по дворах и замках, а люде робили не собі а им, то товды в наших лісах крýлися збуйове, страшны и моцны.

Села наши были разметаны меж дикыми, непроходимыма лісами, было их далеко менше, и дорог до них не было, лем блудны стежки. На тых стежках страшно было показатися єдному человеку; бідне населеня, без ниякого оружия, боялося звірів диких, як волков, медведів, рисів, а панове из добрым оружиом боялися збуев, которы снували в лісах днями и ночами.

В тых лісах мали збуи пивниці, в которых жили и хоронили свои скарбы; тоты пивниці были устроены в найнеприступнійших дебрях и канурах. Днями збуйове переважно спали або робили пляны нападов, а в ночы выбералися грабити. Нападали на дворы и грабили добро. Панов били и одбирали жыття. З нападом спішили на тот двор, в котором жил пан, который наибольше немилосердно гнобил подданых му "хлопов." Люблии тоже нападати на той двор або замок, где была даека гостина, пир панов, где зошлося много чужых панов; збуи выганяли з них веселость а наганяли им страху. Гроши и золоты річи забирали до своих пивниц. Коли нашли так богатого пана, што мал пальцы обмотаны золотым обручками з діаментами, то не знimalи, лем одрубали пальцы, а в пивниці очищали, и пальцы палили.

По таких нападах долго спали, а потом бавилися и гуляли, а коли бракувало им дачого, выбиралися наново на грабеж. Коли селяне донесли им на даякого пана, што робил над ними велике надужыття, бил, мучил народ, збуйове му не дарували.

Для удержання порядку, дисциplини, справедливого поділа награбленного, выбирали они найспрятнішого и наймудрішого спомеж себе товариша, переважно сильного тілесно и найсмільшого. Тому вибраному кождый мусіл повинуватися и выполняти єго приказы.

Бідним збуйове помагали и не нарушали их, богачам панам за их выбрики не дарували.

ЯК ПОВСТАЛА "ЗБИЙСКА ПОЛЯНКА."

Єдна така партія збуев полюбила собі тото для никого неприступне и отдалене от жыття людей, місце, на верху горы Поляны, в лісі, на той самой полянці, котра днес носить имя "Збийска Полянка."

Ціла тата партія на полянці складалася из дванадцети збуев. На той полянці вимурували собі из каменя пивницю, до котрої оставили узкий вход. На верх пивниці принесли той тяжкий камень аж з другої горы; ту єго обточыли на округло и положыли на верха вмісто даху. В той то пивниці, по великих походах и подвигах отпочывали и укрывали награблены гроши и золото. Коли выходили на напады, не лишали никого стеречы пивниці, лем заклинали єй, и уж не мог до ней никто приступити, ни отворити, кромі них самих.

От страху никто не отважался заглядати, кождый боялся того місця, омотаного закляттями.

СИЛА И ДОБРОТА ЗБУЕВ.

Уж из высше вспомненого мы зауважыли, што народ виділ у збуев велику силу, коли приписал им, што они вынесли тот величезный камень на верх горы. Але раз вертали они из

неудачного нападу без всякой добычи и были даже голодны. Коли вспиналися горі Поляном, встрітили на чертежи газду, што орал волами. Сперли они газду, выпрягли из ярма єдного вола. На очах газды зарізали, почвертували, забрали на плечи и одошли.

Газдови в очах стали слезы. Тоту жывину лем мал, котру шанувал як свои діти. Ани коровы у него не было, бо хотіл мати волы до роботы. Пустился уж газда домив и не знал, што зо жалю робити.

Но збуйове, коли поіли собі, вернули, задержали газду, запряглися сами до ярма и доорали газдови полперечыну, потом кавали бідному зняти шапку, в которую насыпали золотых дукатов. Газда радостный вернул домив, оповіл людям, што ся му притрафило; купил корову, докупил другого вола и жыл от тепер лішче. И часто селянам при встречі оказалви велику помоч и относилися по приятельски. Приходили нераз до села и в Ковалъчыковой світлиці гуляли; сами музыкантов іднали и з газдовскими дівками танцували.

БОГАТСТВА ЗБУЄВ.

Кромі своєї пивниці и села, збуйове любили в деякой корчмі забавитися сами. Под Межеричним мала в той час стояти корчма. До той корчмы они даже часто по дорозі вступали подкріплялися. А были так богаты, же як вертали на Збийску Полянку и вступили до корчмы, то так просили горілки от шинкарки:

"Налій нам горілки—не міряючи—
Мы насыплеме ти грошей—не рахуючи."

Шинкарка отворила им шпихлір, закладеный бочками з горілком, которы збуи розобрали по одной на плечи. Яко заплату заклали шпихлір міхами полныма золота и грошей. Тых грошей было так вельо, же шынкарка рахувала их—

"два місяці, два тижні, два дни и дві години," а и так порахувати не могла...

Янош Збышко.

Самым главным проводником той партии збуев мал быти сильный и здоровый Янош Збышко. У старого Иванчына хыжы мал быти выризбеный Янош на стопі при дверях, як он вырвал за конари ялицю с кориньом зо землі и нюс єй лісом. Вырвати Янушови дерево из землі, была легка и проста робота. Он сам двигал тот великий камень на их пивниці. Той єго силы боялися панове, так боялися, што перед ним свои дворы охраняли войсками.

Конец Жытю Збуев.

Потом цисаром было выслане войско в Карпаты, котре почало переслідувати збуев. В таких обставинах трудно было жити збуям, не могли сміло показатися, нераз притис их голод. В том голоді стратили они дисципліну и послух, а так уж скоро им пришол конец.

Єдного из них зімали на Венграх и присудили го на кару смерти через повішня. Перед смертью дали му слово, жебы повіл послідне свое желания. Збуй, вмісто выявити свои желания, звідался публики, ци ніт ту дакого из Галиции, но най ся не озвават, лем най выслушат totы слова и тайну, которую тепер выявит. Коли єст такий, най иде до села Ганчовы, там под лісом, на таком и таком полю єст под буком студенка, от той студенки на право о 18 кроков єст ялиця, от той ялиці на полудне за четвертым деревом в моху єст брыла, а под ньом сут гроши, най иде там и возме собі.

Мал там быти якисый человек из Шквиртного, который пошол до того місця, отнашол брылу, а под ньом полный глиняний збанок грошей; газда стал богачом, а люде прозвали го тым іменом — "Богач..."

Гыбель Яноша Збышка и заклятя пивниці.

Як уж єдных збуев выполошили, другим зробили смерть,

а решта розлетілися в разны стороны, на Збийску Полянку вернул лем сам Збышко. Ждал он на своих товарищов, але никотрый из його товарищов не явился. Никто не постукал в двери пивниці. Заснул Збышко и спал долгий час, а коли обудился, світ уж был інший и люде іншы.

Протер Збышко очы, двигнул свою тяжку голову и вышол на воздух; стара сосна заскрипіла на него, позріл на ню, в очах му пожовкло, а золоты шпильки, як слезы, лійом падали на землю. Зрозуміл Збышко, же она плаче за его товарищами. Слухат, лісы задумано хвіются и шумят жальом. Задумался Збышко и засмутил. Хватился єдном руком за свой широкий меч, при боку за поясом, оперся о пивницю. Не вытримала пивница єго тягару, перехылилася боком в єдну сторону, и от того тягару она зосуватся до днес в тоту нахылену сторону.

Роздумал штоси Збышко и рухливо обернулся на восток, потом запад, потом замкнул пивницю тяжком колодком, придоптал єй до землі и заклял червеным когутом; и пивница ищи глубше запалася в землю, аж по самий верх. Выры ищи своим мечом на камени рок и чашу и пустися долу лісами.

Іде он так лісом и чує, что люде рубают ліс довкола и кричат за ним, а єден газда ажи сокыром за ним шмарил. Усміхнулся горкым усміхом Янош, але не озрился, лем рюк:

“И вы пойдете за мном.”

Зышол он под Бодный Лаз, где была єдна дудлава звернена ялиця, в которой нераз скрывался Збышко, коли захватила го лія, або коли был дуже змученый.

Засунулся Збышко в дудлу и заснул, так твердо заснул, што ани не чул, як страшно били перуны, и який окрутный падал дощ. Воды з гор сунули грубыми пасмами, подобрали берег, на котором лежало дерево зо Збышком. Скотилося дерево до воды, котра понесла го колысатися в широке море.

Памятки по збуях на Збийской Полянкі.

Так сchezла и закончылася в повіданкі судьба збуєв.

Но на вспомин осталася пивниця заклята, которой никто не може рушыти. Заклята она наймоцнійшым и найстрашнійшым збуйом и проводником цілой ватаги. Никто николи не може ёй открыти, хыбаль же буде знал откляти тым самым заклятьем, яким была заклята.

Лем раз в році, в страстный четвер, о полночи, в часі, коли остатню євангелью чытают в церкви, тот камень на пивниці в лісі открыватся сам, а гроши и золото блестят и огњем горят. Пересушуются. Потом зас гроши ховаются, а камень закрыватся.

Ктобы осмілился зайти там в ночы страстного четверга, мог бы коновком зачерпнути золота, лем жебы камень го не прихватил.

Не было до того часу никого так смілого, жебы одважылся там ити о той годині, бо кождому, кто хотіл там ити, бракло в туту ночь смілости.

ЖЫТЯ ЗБУЕВ И ЗНАЧЫНЯ ТОЙ ПОВІДАНКИ О ЗБУЯХ.

Кто ставал збуйом и по якой причыні?

На первый взгляд ціле оповідання о Збайской Полянкі, здаєся, не має ніякого значыння и фундамента; што то, подобно тисячам інших повіданок, без всякого основания и змісту жыття, што она створена лем подчас долгих зимовых вечеров, при оповіданню байок. Но коли взяти на увагу тоты часы феодальной неволі, або т. зв. панщыны, то не тяжко буде зрозуміти, што в тых оповіданнях крыєся правда. Коли поровнаме повіданку с тым часами, то найдеме в той повіданкі отбиток нашої народной истории, котра у нас не запісана.

И цілком понятно, што повіданка, яко незаписана история, переливалася з уст до уст и наберала всяких фантастичных форм. А чым она переповідалася через язык больше способного до оповідання человіка, то повіданка приберала живу красу и полноту зміста, длятого, коли усунеме из повіданки фантазию, остане нам исторична правда.

О том як в часі панщыны страшно гдекотры паны збытувалися над своима подданым, не будеме росписуватися, бо мame много образов из того жыття. Збытувалися, звычайно, страшно, над свойом слабом жертвом. Люде ненавиділи того пана, котрый их бил, значит виділи в нем ясно свога ворога. Но зато газдове толковали, што там деси далеко есть цисар, добра душа, справедлива, добродійна и милосердна. А и оповідали нашым людям такы легенды, байки, як то раз цисар вступил до хыжы бідного, чтобы посмотретьи на людске жыття в той хыжці. А послі скасуваня панщыны, такой просто в школах учыли той байки, же, коли цисар

увиділ жыття бідного, дарувал народу "свободу," лем из своєї любви для бідных.

Такы легенды, то был лем обман народных масс.

Не перечитеся тому, што цисар зазріл до той хыжки, звычайно его потягла там цікавость, як тягла го до парку посмотретьи на иниши божы сотвориня. Из того мы зауважыме, же, коли там зазріл, то позадростил жытю того бідного, его сердце не змякло настолько, чтобы он аж прото касувал панцины; напротив, увиділ в той хыжці здоровых и зграбных селянских сынов, и зо зависти блисла му мысель заставити того найкрасшого селянского сына служыти собі и боротися за цисарске право и добре жытЯ и большы доходы.

До того часу, покаль цисар не виділ тых бідных, представлял собі людей бідных нездальма до иной роботы, кромі до плуга. До того часу самы бояре, шляхта, выступали до бою за свои интересы и нераз сами клали головы за свое добро. Тепер, коли цисар увиділ тых бідных, але здоровых сынов, постановил их заставить до обороны своих цисарских интересов, за спокойне жытЯ троновых людей. Заставил проливати кров бідных. Настал товды новый вызыск селянской кляссы.

Скасуваня панцины выникло из других причин, не з жерела любви и милосердия цисарского, а напротив, с примусу и страху перед роз'яреным міщанством, котрому было жытЯ тяжке без робочої силы и без права, бо міщене мали дуже маленкий вплыв в ділах политики в тоты часы. Не пришло то з любви, бо ани єдна капля добра для человічества не пришла без пролитя народной крови и жертв за уліпшыня жытЯ человека. Ціла культура, вшытки достижения світа, побудуваны на самой крови и то на крови робочих масс.

Показує история, што коли кончылася патриархальна система и замінялася в систему февдельну, (панцины), то тата часть людей, котра в патриархальной системі силом

потрафили статися великыма посідателями земель, лишила других своих товаришов по кляссі без землі, тата друга клясса из патриархальной системы в панщыні и в правах обшарников, нашлася без обшаров земль и без рабов. Они почали вести торговлю и так утворилася кляса міщанска. Но жебы они могли чымси торгувати, мусіли мати товары, а чтобы мати товары, треба мати фабрику, а ицы перше треба мати робочого, котрый бы выбудувал фабрику и выраблял товары. Того робочого не было, робочий был закріпощенный обшарниками на селі. Тоту робочу силу міщане мусіли купити, дорого купити. Але кромі того, як обшарник потребувал робочого в себе дома, то не продал раба до міста и місто стояло мертвым, брак в нем было робочих рук.

Про тоты причыны населеня міст нашлося в дуже крытычном положыню. Власть и добро и раба и землю мали обшарники, місто не мало голосу и не мало средств к жытю. Из того выникали бунты по містах, бунтувалися купці за свое право, бунтувалися за розкріпошыня раба, жебы го не мусіли дорого платити; тото розкріпошыня селян лежало тоже робочым в містах на сердці, и они почали причынятися до бунтов за розкріпошыня селян. Розумієся, что селяне не знали о том, што творится за их плечами по містах, они того не виділи и не розуміли, что то значыт розкріпошыня.

Ицы перша заверуха революции в Парыжу, котра держала чисту робочу форму правленя девят неділь, покля не была здушена, уж сильно потрясла мозгами царей цілого світа. И хоц от того часу они затримали власть обшарников ицы около 50 роков, но рух революций и вспышок, бунтов, шырился чым раз больше и давал себе чувствовать в падатах цисаров и наганял им страху; не чудо, же серед революцыйных вулканов, котры греміли и трясли престолами, цисаре поспішили зо свойом фальшивом свободом, лем жебы свою высокость и власть задержати.

Зато нашим газдам, котры не знали з яких причын по-слідувала свобода, легко было зашклизи очы добротом цисарском; тото помагало в народі сохранити вірность и спокойство взглядом цисарского дома.

Но покаль не было той "даруваної свободы," водилися надужыття над подъяремним народом, а к тому потребували найкрасших и найздальших сынов селян служыти цисарю по сорок, а потом по дватцет четыри літ. Не чудо, што така долга служба цисарю, где большу половину свого жыття треба было знищыти меже чужымна народами, и на чужом непонятном языку, будила страх у молодых, здоровых сынах и тоты нашы найкрасшы сынове воліли валятися по лісах, недалеко от своего народа, як выслуговатися цисарю.

Ліпшої охорони для таких сынов не могло быти, як нашы лісисты, неприступны Карпаты. И в тых то Карпатах знашлися сотки сынов селянскай клясы. И в тых лісах, як братя по клясці встрітилися и поставили перед собом определену ціль: мстити угнетателям за кривды селян и помогати бідным. Для ліпшої и успішнішої роботы поділилися на группы и цілыми группами нападали на дворы и замки.

В часы своих нападов наганяли страху, перед котрым мякли обшарники в своих нелюдских збытках.

Для того то тоты найкрасшы сынове селянства оказались величымна добродітелями селян. Кромі того они своим дисциплином и одвагом дали примір солидарности селянам, над чым мы можеме застановитися, а тоже гордитися на туту их сознательность, котром в днешних часах ицы не легко приходится нам овладіти.

Ци были збуйове на Збийской Полянкі?

Видно уж из той народной повіданки, а и история тых часов доказує, же существуваня збуев на збийской полянкі можливе. Значыт, єдным из тых місц в наших Карпатах, на полянкі, угрупувалася єдна партія тых любячых сво-

боду молодых людей, которым судьба присудила марніти свое жыття в лісах и быти кажду годину непевным своего жыття. Ишы и от того часу зміненя их фаху, они остали в повіданках розбышаками, збуями, и т. п.

Пригадки о пивницах, и то муроаных, сут неправдо-подобны. Розумієся, што коли они ту жыли долший час, мусіли собі якоси упорядкувати жылице, где могли бы переспати або склонитися перед сніжницьом и слотами. Мусіли мати приспособленя, где могли варити їсти и хоронити гдеякы свои річы. И коли у них было штоси в роді лісовий колибы вгребене в землю, то по опушыню того місця за пару літ сама природа затерла и змыла по них сліды.

Камень зас в повіданкі остал, яко головный пункт памяти о них, не зато, чтобы он был вкryвом пивниці и потом заклятый, лем зато, што само місце осідкы збуев было близко того каменя, а в свободном часі выостряли мечы и сокиры и вырубували всякы надписы и фигурки на камени и на поблизких деревах. Заклятія приписаны лем по той причині, же як раз в тоты часы, до тых неприступных місц никто не доходил, так, якбы тото місце было закляте. Точных и правильных слухов не можна было достати селянам зато, бо владітелі селян, обшарники, на каждом кроку старалися задусити всякий слух о збуях, бо тото погоршало их положыня зо стороны селянства, котре скорше взяло быся за поваленя свого общого ворога пана. Новость о збийской полянкі пришла меже селян лем найскорше от освоиншогося збуя, который по одограню ролі збуя, вернул жывый в село, а свіжы сліды по их жытю увиділи потом сами селяне и тому тот камень остал як головна памятка збуйского жыття.

Сила и доброта збуев.

Повіданка пару раз вспоминает о великой тілесной силі збуев, а головно самого Збышка, котрого вырізували

люде на дереві, щоби виглядити його фантастичну силу. Но переважно в кожній іншій оповіданці організаційну силу приписують і представляють в силі тілесної, а особливо тому, котрий проводил том організованом силом; значить он мал силу удержати і владіти том силом всіх, яко своєю мірою власном. Не чудо отже, що той організованій сили под проводом Збышка боялися паны, так боялися, що свої двори обставляли войсками, а народни приповідкаре додали до того, що они двигали велики камені, переносили згоры на гору, що рвали дерева з кориньом зо землі, виносили на плечах чверти з волов и бочкы оковити и т. д.

Сила их заключалася в их організованій єдності, солидарности и довірию єден к другому, и зато всяки напады они проводили успішно. Адже, не чудно, що той неспокойной силі не могли вытерпіти панове, з другої сторони велики заворушення были по містах, цисаре спішили скоро дати свободу людям. А коли народ розкріостили, збуям осталося менше роботы, они стратили зміст и ціль життя в лісах, а кромі того державны органы хотіли окончательно заспокоїти життя решткам шляхты, наперли на то, щоби при помочы войска очистити лісы от напастников.

В народі осталася лем памятка о их добром одножыню к селянам, о их добрых учынках, а особливо завдячуют их существуваню улекшыня зо стороны панов, котры мали страх пред зомстом от збуев за кривды селянам.

Ци збуи для богатств рабували ?

О цілях збуев, и про што они повстали, свідчыт повіданка. Можна бытобы припустити, что они рішылися на свой крок для своей материяльной выгоды, чтобы другим забрати, а собі присвоити. Тото и свідчыло бы о их низком характері. Но повіданка ясно повідат о противном.

Повіданка свідчыт, что они не прагли для себе того гроша, котрого награбили, они такой по дорозі до своєї півниці

роздавали бідним; они недбали о тоты гроши, будьколи да-
где в шынкаря лишили мішок з грошами. Єсли же яку часть
несли аж до пивниці, значыт до своєї колиби, то треба розу-
міти, же они тоже предвиділи не раз перед собом нужду и го-
лод и были сознательны послідствий, якы их будут ждати зо
стороны властей, што за даякий час треба крystися.

Як видно из повіданки, то они приходили до села на за-
бавы; треба замітити, што там не было без того, жебы они
не обмінювалися своїма мыслями с селянами. Но имен своих,
як видно, не виявляли, бо ніт ани єдного имени, о котром
бы был вспомин, кромі Яноша Збышка.

Янош Збышко

О нияких іменах кромі імена Яноша Збышка, провод-
ника той ватаги повіданка не вспоминаєт. Хресне імя Яноша
нагадує, што он мусіл быти лемко из угорской стороны, где
імя Ваня зовут з словенска Янко—Янош. Но прозвиско єсть
сумнівне и подозріле. Походить оно буде от "збий," "збиско"
"збышко". Каждого люде звали збуиско, а Яноша звали
особно Збунско Янош, но с часом звук в устах народа змі-
нился на Збиско а потом на Збышко. Тепер можеме дога-
датися, што правдиве єго имя было затаєне.

Упадок сили Збуев.

Тоту велику силу приписували селяне збуям лем до
того часу, покля их боялися дворы и покля не перемогло
их войско, а особено покля не было "свободы," то они
были потребны и сильны. С часом даруваня свободы они
стратили значыня, ціль и силу.

Многи из збуев вплили до міст, іншы замішалися в
села, в которых законы панцыны были знесены, а войскова
служба укорочена.

Остался найдолше в лісах завзятый Янош. Янош не
вірил в успіх той свободы; он хотіл бы, чтобы тота свобо-
дя носила характер полной свободы и уничтожены были
кляссы, але сам тепер был без силы, без своих роспороше-

ных товаришов, он крутился сам коло каменя, як орел коло пустого гнізда, ждал, але никто к нему не пришол. Загребал он сліди по их жытю на Збийской Полянкі, мусіл упокорити свою силу перед самым народом, который го зненавиділ и газдове сокиром за ним метали. Забыл народ тоту велику подмогу, яку дал Збышко зо своими товаришами в біді. Но он, задуманий над том вдячностью селян, повіл пророчы слова, в котры твердо вірил, же колиси народ пойме єго ціль и сам организовано повстане в обороні своих прав и буде боротися за таку свободу, яка належытся робочому народу, а не задоволитися таком, котра капне из волі царей.

Гыбель Збышка

Из повіданки о кончыні Збышка треба было бы розуміти, что он из всіх тых клопотов шмарился в воду, з берега Бодньового Лазу. Но тото то лем фантазія, абы чим-нибудь интересным кончыти повіданку, и жебы Яноша не глядати меже собом, за ним лем слід загыб як в воді. Сам он, подобно другим, злялся з жытъем народа, где затер в тайні за собом всякий слід.

Повіданка яко жывый памятник по жытю збуев—народных борцов.

Неблагодарный поступок селян—лісорубов взлядом Збышка, бывшого обронцы народного интересу, взбудил жаль у больше сознательных людях, котры старалися все показати перед очы народу их блуд взлядом Збышка, бо почали час от часу оповідати тоту историю и в тот способ народны массы почали опамятуватися и жалувати Збышка, в котром аж тепер увиділи свою оборону.

Но тото припомнаня могло зо смертьюм приповідкарей згынути из памяти народа, зато они старалися заморозити повіданку в народі, але штобы она могла быти все свіжа и жыва, для того той повіданкі старалися придати таємничы

нелюдски силы, в котры тогдашний народ твердо вірил, и так она осталася памятна ищи до днешних часов.

Нераз, при натиску на народ, в часі нужди, вызыску и збытков владных сил, народ припоминат собі тых збуев, уважат их героями. Свіжо в памяті остался нам и послівоенний час, коли нашым найкрасшым сынам пришлося ити их слідами, и бесперечно, при будущом, ищи сильнійшом гнеті капитализма, который дозріват уж, народ возме полный примір из збуев для скиненя капитализма.

Тоты нелюдски силы в камени были приліпены зато, бо старши люде, а особливо діти, радо слухали и застановлялися над причинами той истории, повтаряли з рока на рок. К тому ищи додали, што камень раз в року открыватся и горит огнем. Час открытия того каменя ярный, коли люде, освіжены весном, припоминают собі розвязану свободу, и з енергиом припоминают собі: свою свободу и свободу, которой домагалися збуйове, а в думках будуют нову таку громаду, которая бы стала в обороні волі народной; тово и причыняться до радикализации наших лемков. Зато повіданка о Збийской Полянкі, то жывый памятник в мыслях народа.

По той повіданкі люде чуются приятелями збуев, народ вдумаєся в их одограну ролю и признає им велику и важну участь в борбі за ровноправие. Не дармо они были найкрасшыми сынами угнетенного народа, бо всю свою силу, молодость, знаня и жытя положыли за идею свободы. В отплату и славу для них, осталася нам лем повіданка и Збийска Полянка с каменем, яко памятником первых лемковских кляссовых борцов.

IV

ЗНАЧЕНЯ ПОВІДАНКИ ДЛЯ НАРОДНИХ МАСС.

Повіданки во всяком народі много раз заступають історію, из котрой учены историки выбирают правду историчну и тлумачат стары часы на всяки способы; не лем повіданки служат за историю, бо и приповідка, пословиця и пісня має историчну правду в собі!

Способны до оловідання, співаня, люде, народны поеты, укладали дану историчну хвилю в прекрасну форму, которую радо повторяли народны массы и переливали из покоління на покоління. Таким способом повіданки творят вообще "заросле поле истории," из котрого историки вытягли много историчных правд.

Русский народ, як и други, был тоже одареный богатом фантазионом и поетичным даром, ицы з непамятных часов. Так, приміром, русски мыслителі в давных часах, чтобы представити жыття народа, увили собі в одной особі даякого великана богатыря, з огромном силом, мудростом або хитростью, котром он владіл.

Тоты часы, коли люде творили ицы нерозрывну часть природы, жили, як днес жают неусвоены звіры и боролися в поєдиночку, а общества, організации не знали, то тоту форму жыття людей нашы давны предки увили собі в едной особі, в богатыру Святогорі, котрый из-за своєй тяжести гружал по коліна в землі, значит, что так сильно был с природом звязанный.

Другий уж поступовий период, коли люде почали групами здobyвати свои здобычи, представлены уж в иншом чловеку: Зо скорым ходом кричал и кресал оген перунами.

Зас жыття людей, коли они осідали на землях, принимало форму земледіля, представлена в собі старика, котрый в своїй торбі носил тайну (знання управы землі), которую никто из попередних моцарей не мог понести, бо не мал того знання. Потом тысячи других богатыров, котрые представляют собом повстаня отдельных держав, городов, рік, войск, князя Владимира, котрого зато, што принял християнство, назвали "красным сонцем". Грабежников представляли в збуях Соловіях, котрий засіл в гнізді на 12-ти дубах, татар в виді змієв и т. д. Вшытко тово, то история простонародна, устна.

В польском народі мы знаме о таких богатырях, представленых в фантазии, як: Лех, Пист Кракус и други, с котрима поляки вяжут свою историю.

Цілком на подобну форму єст змалюваный устами народа наш богатыр Карпатский збуй, Янош Збышко.

—Што за нещестя, же други народы мают таких красных богатыров, всяких соколов, Святогоров, Кракусов, Красных солнышок, а мы, карпатороссы, збую Збышка? . . .

И то лем мы карпатороссы, бо и в восточных Карпатах тож существует подобне переданя о збую сильной волі Олексі Довбушу.

Нич мы не порадиме, же нам таких богатыров породила наша тяжка горска судьба, лем же діла Довбуша не далося уж затратити в памяти народа и он радо нерадо нашолся в печати, яко богатыр своего поневоленого народа. Нашого Яноша Збышка затаили, заглушили в народі тоты, кому вспомини о нем были страшны.

Но қоли всі истории о богатырях выжили свой час, бо прогресс пхал их вперед, их формы людского жыття минули, и вертати их была бы лем одна глупость, в тот час наши карпатски богатыри, яко борцы за ровноправность клясс, сут вчасными зорками, которых сила старых систем погасила, и аж днес, по их приміру, выступают все новы и новы борцы

за туту форму людскога жыття, в якой всі повинни быти, ровны собі, не кривджены и не унижаны одны другыма.

Сама главна засада их діл свідчыт о их высокай кляссовой сознательности, а именно, што меже ними национальна разница не существовала. Они виділи, як видят з высока орлы Карпат, што для пана ніт разницы, ци раб ёго бесідує по рускы ци по польскы; не робило пану разницы, який обряд ёго раб обходит, до якой церкви он ходит, якой народности духовна особа учит ёго рабов послушенства и покорности. Они виділи, што пан польской народности владіє над польским рабом и ёднако знущатся, што так поляк селянин, чех ци руснак має ёдного ворога, пана, напротив котрого всім народностям, бідным по кляссу, треба выступити боронити своих прав на жыття разом. Против того ворога нашого робочаго селянства выступили герои Карпат до борбы.

Штобы переконатися о их той сознательности, выстарчыт спроситися найбольше обзнакомленного человіка з их ділами такий вопрос:

"Ци збуйове, коли они встрітили бідного поляка, чеха, або руснака, робили меже нима даяку разницу?"

"Ци збуйове мстили горшее польским панам як мадярским?"

Достанете скоро, без надуманя отвіт:

— Ніт —

Чом Ніт ?

Бо у них был ясно распределены народ не на віры, не на народности, а на дві кляссы — хлоп и пан; у хлопа виділи украдене право панами и сами они перши стали боротися з врагами робочай селянской кляссы.

За туту сознательность и одвагу наших героев, мы, лемки, должны не забыти их, а напротив, гордитися тым их приміром борбы, и называть их именом достойным их заслуг, великим именом Революционеров.

Ім'я революционер можуть носити лем сами честни и морально розвиты, ідейны люде, котры за братство народов стают до борбы з ворогом братства и ровности, котры сміло жадают справедливости для людства и за тоту свою идею в борбі отадут свое жыття. Попадают в тортуры тых ворогов, но они повинуються великой своеї ідеи и не дадут опанувати себе страхом и не хотят чути болю, бо их кличе велика идея ровности всіх. Зато справедливый революционер николи не може отказатися от своеї великої задачы, а до конца свого жыття исполнят ёй из всіх своих сил.

Днеська часы конца капитализма, народы объяты утиском, крайном нуждом, и под капитализмом што раз слабши ногы, но ніт ицы кому ёго повалити, бо ніт достаточного числа честных и справедливых людей, ніт надост ідейных революционеров.

Што може быти тому причына, же ицы в тых давных часах мы мали сознательных, достойных нынішних часов революционеров, а днеська менше их у нас в Карпатах выходуєся ?

Причына ест єдна, котра в тых часах помогла нашему народу познати свого клясowego ворога и породила большие революционеров, а то тата, што в тоты часы феодала народ каждый день ясно, на свои власны очы, виділ пана, того свого ворога, который робил над ним збытки и против того пана направил всі свои силы, старался му одомстити, и часть народа одрывалася от своих родин, чтобы тоту идею народну исполнити.

Капитализм почался "свободом" и при той "свободі" народ призабыл о своем ворогу кляссовом, бо каждый индивидуально, для себе, старался скорыстати из той свободы; но система капитализма не могла бы существувати, коли бы бідна клясса народов в ней была зровнана, высоко розвинена культурно и економично, в капитализмі мусят быти "Угнетателі" и "Угнетены" и коли капитал дозріл, цілом системе

мом притиснят народ; ту уж народ не видит ворога пана, котрый бы го бил, и не зна против кого має направити свою борбу за жыття. Дозріня и жнива капитализма, зовеся біда, а біда зато найбольша, што народ не видит, от кого она и зато чорноробочым неясно, як мож протиставитися невидимой силі.

Несознательны народы и днес лем себе винуют, же не годны посісти науки, жебы достатися в ліпше жыття, не застановляются над тым, же помимо того, што они мают свободу ходити до школ, то вина в том, же они не годни того зробити при капиталистичной системі. Она, тата система, виновница, што народы в темноті, што народы в вызыску, што народы в біді, нужді, слезах и крови, и час ей упадку прити мусит.

Если же народы, угнетены ньом, не направляют всі свои сили против ней, то лем зато, што не знают, як дійствує капитализм, и не вірят, же он виновник людских кривд.

Скоро уж должен прити тот час, коли всі народы познают газдовки и засады поодинокых систем и порозуміют ясно, што чорноробочы мают єдного общого ворога их общего жыття, а то капитал и его система.

Коли и наш народ тото познат, даст належне признания нашым карпатским богатырям-революционерам и разом з другими народами, без опору, пойде их слідами. Но способ борбы не може быти тот, яким пользовалися збуйове, не мож уходити в ліс, з борбом за справедливость народов; належытся стати око в око з ворогом и открыто домагатися усуненя вызыску, унижаня, и экономичных недостатков.

Наши братя по крови, карпатски-революционеры, дали нам примір той ідейной борбы. Не надармо они были найкрасшыма сынами народа, их сила и храбрость подабалася самим цисарям, но они не желали служыти той славі, котра унижает народы. У тых сынов была и золота идея и ясно определена ціль; их одвагу и мысль мусиме глубоко оцінити,

бо они за идеалы и добро бідных рішалися на такий крок, где каждой хвилі могли сподіватися утраты життя; но они на то не зважали, а показали, што они за бідний народ революціонери, но не весь народ хотіл их розуміти, не знає оцінити их мыслей, и не пошол громадно по их приміру.

Аж в 1920 року, другий раз пришлось нашему квіту молодежи Лемковини отказать послуху направляти свое оружье против русских робочих, которы як раз тогды вступили в побідоносну борбу з богатыма.

Без всяких протестов приде тот час, што ишы раз наш народ выдвигне борбу, рішучу борбу зо своим кляссовим врагом, послі которой нашему, віками гнетеному народу, открыєся свободна простор робочої системы, в которой згинут надужыття, обманства, темнота и світ до науки буде не лем открытий бідному, але и приступный, народу буде дана нова справедлива культура, достойна людскости и часов достыжений людского розума.

Зато примір наших героев, которы стояли за тоты идеи и боролися, най буде нашым обовязком. Най каждый сын лемковского угнетенного народа откроє свою идею для своего власного ліпшого быта и народа, и для зысканя великого для себе имени революционера, который утишат плач болю народов, нищыт преступленя и гнеты, а в замін строит правду и добро.

Так само як наш народ тепер перед каждом весном вспоминает о жытю долью изгнаных в лісы и скалы сынов, лем зато же хотіли добра и справедливости нарodu, то так само народ з болю и гнету вспомине о Збийской Полянкі и ей героях и закипит борбом перед весном робочого народа.

РОДНЫЙ ЛЕМКО

Торонто Май 1934.

В ЄДНОСТИ НАША НАРОДНА СИЛА !

Ставайте

В РЯДЫ ЧЛЕНОВ

ЛЕМКО-СОЮЗА

ОБЪЯСНЯЙТЕ

Ідеї, задачы и ціли

НАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*

**

*

Ученіе—Світ!

Незнаніе—Тьма!

ЧЫТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ

ЄДИНСТВЕННУ

Карпаторусску народну газету

„ЛЕМКО“

Придбайте больше читателей для той газеты

2490 Professor St.

Cleveland, O., U S. A.

Книжки в Редакции "Лемко"

1.	Мапа Лемковини на полотні	\$2.00
2.	" " на папері	0.50
3.	Карпаторусский Букварь— Ваньо Гунянка	0.15
4.	Старый Край— Ваньо Гунянка	0.10
5.	Борьба за Национальные Права и Борьба за Социальную Справедливость — Дръ С. С. Пыжъ	0.10
6.	Мысли о Кооперации—Родный Лемко	0.10
7.	Прикарпатская Русь подъ Чехословацкимъ Режимомъ — Дръ С. С. Пыжъ	0.10
8.	Сім Гріхов Головных — Ваньо Гунянка	0.10
9.	Збийска Полянка — Родный Лемко	0.10

ДРАМАТИЧНА БІБЛІОТЕКА

1.	Лемковске Весіля и Співанки	0.10
2.	Спаношене Хлопство	0.10
3.	Ицко Сват	0.10
4.	Муж Умер — Комедия — П. Ф. Телеп	0.10